

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

которая расскажет вам о том, как Сунь У-кун способом волшебных превращений покорил оборотня — диковинное животное Хоу, и о том, как бодисатва Гуаньинь появилась в своем образе и усмирила царя дьяволов

Имеет оболочку вещь любая,
И в форму четкую облечена.
Но только кажется нам видимой она;
Таков закон, так исстари ведется.
Лишь пустотою форма создается,
И, если истина сия тебе ясна,
И если для тебя является бесспорным
Учение о пустоте и форме,
То смерть тебе уж больше не страшна,
И плавка киновари не нужна.
Коль добродетель хочешь ты познать,
Отбрось своей природы нерадивость;
Тот, кто способен праведником стать,
Немало будет мучиться, страдать,
Но небеса свою к нему проявят милость.
Покинув мир тщеты, бед и страстей безумных,
В селеньях горных он себе приют найдет
И, сохранив свой облик вечно юный,
Бессмертие благое обретет.

Наше повествование мы прервали на том, как злой дьявол Сай Тайсуй велел закрыть наглухо все ходы и выходы и разыскать Сунь У-куна. Шум и крики не стихали до самых сумерек, но найти Сунь У-куна так и не удалось. Царь дьяволов, восседая в своей живодерне, устроил переключку всем бесам, велел усилить ночную стражу у ворот, звонить в колокольцы, трубить в рога, бить в барабаны и стучать в колотушки, держать луки в боевой готовности, обнажить мечи и сабли и бодрствовать всю ночь. Между тем вы уже знаете, что Великий Мудрец Сунь У-кун превратился в муху и неподвижно сидел на стене. Убедившись в том, что охрана передних ворот усилена, он расправил крылышки и полетел в задний дворец, где и устроился на дверях. Он увидел Золотую царицу, которая, склонив голову на столик, заливалась горькими слезами и

тихонько всхлипывала. Сунь У-кун влетел в помещение, уселся на ее всклокоченную прическу и стал прислушиваться, чтобы узнать, о чем она плачет.

Вскоре он услышал, как царица запричитала:

— О мой владыка и повелитель!

Мы божество, как видно, прогневили,

Когда пред ним куренья возжигали

Быть может, невниманье проявили,

Курительные палочки сломали...

За это нас невзгоды посетили,

Каких мы прежде никогда не знали...

В страданиях наших злой повинен дьявол:

Двух фениксов расстаться он заставил!

Уже три года мы с тобой в разлуке,

Уже три года длятся наши муки,

Весть о тебе принес мне праведный монах.

Он нас с тобой соединить пытался,

Но сам в беду великую попался,

И все надежды превратились в прах,

И душу бедную мою терзает страх.

Загадка бубенцов, увы, сложна!

Как было тайну разгадать такую?

И, новою невзгодой сражена,

Вновь пуще прежнего я по тебе тоскую!

Сунь У-кун, который слышал каждое слово, перелетел на краешек ее уха и тоненьким голоском запищал:

— Царица! Не бойся! Это я, все тот же монах Сунь У-кун, посланный к тебе из твоего царства. Со мною ничего не случилось. Все произошло лишь из-за того, что я горяч и нетерпелив. Я

украл с твоего стола золотые бубенцы и, пока ты пила вино с царем дьяволов, улизнул. Очутившись у живодерни, я, сгорая от нетерпения, развязал узелок и стал смотреть на бубенцы, затем нечаянно вытащил из них вату, а они как брякнут! Тут же в воздух поднялся столб пламени, дыма и песка. Я растерялся, выронил бубенцы, принял свой первоначальный облик, выхватил посох, но, как ни бился, не смог вырваться. Опасаясь жестокой расправы, я превратился в муху и уселся у ворот, где и просидел до этой поры. Тем временем царь дьяволов усилил строгости и запретил открывать ворота... Ты бы еще раз позвала его, пусть придет к тебе ночевать, как полагается супругам, а я тем временем вырвусь отсюда и придумаю другой способ спасти тебя!

Царица при этих словах вся задрожала, волосы у ней стали дыбом, словно их подняли духи. Ее охватил ужас, сердце бешено заколотилось, слезы полились ручьями.

— Скажи правду: ты живой или дух? — спросила она Сунь У-куна.

— Я не живой и не дух, — отвечал Сунь У-кун. — Я превратился в муху; ты не бойся и зови скорее к себе дьявола.

Царица не поверила и продолжала горько плакать.

— Не напускай на меня свои чары, — еле слышным шепотом произнесла она.

— Разве я посмею? — с жаром произнес Сунь У-кун. — Если не веришь, протяни свою ручку, я слечу на нее, и ты разглядишь меня.

Царица так и сделала, а Сунь У-кун перелетел на ладонь, белую, как нефрит, и уселся на ней. Он выглядел, как:

В чашечке лотоса точечка черная,

На белом пионе пчелка проворная,

Из погремушки упавшее ядрышко,

На щечке ребенка родимое пятнышко.

Золотая царица подняла руку и позвала:

— Святой монах!

— Да, это я — преобразившийся монах! — тоненьким голоском прожужжала муха.

Теперь только царица поверила.

— Что же ты думаешь делать, когда я приглашу к себе царя дьяволов? — едва слышно спросила она.

— У древних людей были такие изречения,— отвечал Сунь У-кун: — «Только вино может решить судьбу всей жизни». И еще: «Чтобы раскрыть любую тайну, нет средства лучшего, чем вино». Ведь вином пользуются во многих случаях. Ты смотри только хорошенько напой его. Позови сюда одну из самых близких прислужниц. Я посмотрю на нее и смогу сразу же принять ее облик, чтобы прислуживать вам, тогда мне легче будет приступить к делу.

Царица послушалась Сунь У-куна.

— Где Чунь Цзяо? — крикнула она служанкам.

Из-за ширмы показалась миловидная девушка — оборотень лисички. Опустившись на колени, она спросила:

— Повелительница! Ты звала меня. Что угодно тебе?

— Ступай и вели зажечь шелковые фонари. Пусть воскурят камфару и мускус, а потом проведут меня в передний зал и пригласят великого князя. Я хочу провести с ним ночь.

Чунь Цзяо сразу же вышла и велела нескольким оборотням—лисичкам и оленям принести пару фонарей и две жаровни, которые были расставлены по обе стороны помещения. Царица потянулась и скрестила руки, а Великий Мудрец Сунь У-кун тем временем уже отлетел от нее. Он подлетел к служанке, вырвал у себя волосок, дунул на него и воскликнул: «Изменись!» Волосок превратился в мошку, и Сунь У-кун пустил ее на лицо девушки. А надо вам сказать, это была сонная мошка. Стоило ей попасть на лицо, как она сейчас же заползала в ноздри, и человек засыпал. Так и случилось с Чунь Цзяо. Она почувствовала, что ее неудержимо клонит ко сну, и стала клевать носом, еле держась на ногах. Она добрела до своего спального места, повалилась на него и крепко заснула, слегка похрапывая. Сунь У-кун спрыгнул наземь, встряхнулся и сразу же превратился в девушку Чунь Цзяо. Выйдя из-за ширмы, он присоединился к другим служанкам, стоявшим в ряд, и тут мы пока оставим его.

Тем временем Золотая царица отправилась к царю дьяволов. Ее заметил бесенок, который стремглав помчался с докладом:

— Великий князь! Царица пожаловала!

Царь дьяволов тотчас же вышел из своей живодерни встретить царицу.

— О великий князь! — ласково произнесла Золотая царица. — Дым улегся, огонь погашен, а разбойник исчез бесследно. Когда спустится ночь, приходи ко мне отдохнуть и выспаться.

Дьявол преисполнился чувством радости и счастья.

— Дорогая моя! Будь осторожна! — захлебываясь от восторга, сказал он. — Я только что узнал, что этот разбойник оказался не кем иным, как Сунь У-куном. Он нанес поражение моему головному дозорному, убил моего гонца в чине сяосяо, изменив облик, проник сюда и обманул всех нас. Мы тщательно разыскиваем его, но он так спрятался, что и следов не видно, — вот почему на сердце у меня тревожно.

— Этот негодяй, должно быть, давно уже удрал, — сказала царица, стараясь успокоить дьявола. — Великий князь, не волнуйся и забудь о нем. Пойдем лучше в мои покои.

Дьявол никак не мог отказаться от любезного приглашения царицы. Приказав всем бесам осторожно обращаться с огнем и быть начеку в случае, если Сунь У-кун снова появится, он направился вместе с царицей в ее покои. Сунь У-кун под видом служанки Чунь Цзяо уже проник туда, смешавшись с двумя группами прислужниц.

— Подайте вина! — распорядилась царица. — Я хочу, чтобы великий князь отдохнул от всех забот.

— Правильно! Правильно! — рассмеялся царь дьяволов. — Скорей принесите вина, мы с владычицей царицей разопьем его, чтобы развеять тревогу.

Мнимая Чунь Цзяо вместе с другими стала накрывать на стол, подавать плоды, нарезать ровными ломтиками сырое мясо и расставлять стулья.

Царица высоко подняла свою чарку. Царь дьяволов последовал ее примеру, и они обменялись чарками. Сунь У-кун взял в руки кувшин с вином.

— Великий князь и царица-повелительница! — сказал он. — Сегодня ночью вы оба впервые обменялись чарками; прошу пить до дна во имя вашего супружеского счастья!

Он налил еще по чарке, и те опять выпили до дна.

— Великий князь и царица-повелительница! — снова обратился к ним Сунь У-кун. — По случаю вашего радостного свидания сюда пришли ваши служанки повеселить вас: одни умеют хорошо петь, другие — танцевать!

Сразу вслед за этими словами послышались звуки песни, полилась благозвучная мелодия, зазвенели чистые голоса. Пока одни служанки пели, другие пустились в пляс.

Царь дьяволов с Золотой царицей выпили уже немало вина, после чего царица велела прекратить песни и пляски. Прислужницы и служанки разделились на два ряда и ушли за ширмы; осталась одна только мнимая Чунь Цзяо с кувшином вина, которая не переставала

наполнять чарки. Царица тем временем повела с царем дьяволов супружескую беседу. Вы бы видели, до чего она распалила своими томными речами и жестами царя дьяволов. Он дошел до такого состояния, что у него, как говорится, кости размякли и мускулы расслабили. Но не дано было ему счастья и не пришлось слиться с ней. Бедняга! Вот уж, как говорится в пословице: «Впустую кот радуется, грызя мочевой пузырь!».

Они еще немного поговорили, посмеялись, и царица спросила царя дьяволов:

— Скажи мне, великий князь, с твоим драгоценным талисманом ничего не случилось?

— А что могло с ним случиться? — удивился царь. — Этот драгоценный талисман был отлит еще в первобытное время! Разбойник лишь вытащил вату из бубенцов да меховой узелок спалил — только и всего.

— А как же его теперь хранить? — спросила царица.

— Это не твоя забота, — отвечал царь. — Я буду носить талисман у своего нательного пояса.

Тут мнимая Чунь Цзяо, услышав эти слова, незаметно выдрала у себя небольшой клочок волос, положила его в рот, мелко разжевала и, приблизившись к царю дьяволов, дунула легонько раза три и едва слышно прошептала: «Изменитесь!» Разжеванные волосинки сразу же превратились в насекомых: вшей, блох и клопов, которые накупились на царя дьяволов, забрались ему под одежды и стали кусать. Царь начал чесаться, полез рукой за пазуху и, скребясь то в одном, то в другом месте, поймал сразу несколько вшей и начал разглядывать их, поднеся к фонарю. Царица увидела вшей и похолодела от охватившего ее отвращения.

— Великий князь! Должно быть, они завелись у тебя в исподнем белье, — проговорила она, — наверное, давно его не стирали, потому и появилась эта гадость.

Царь дьяволов сильно смутился.

— У меня никогда в жизни не было ничего подобного, — сказал он, — и надо было случиться этому безобразию именно нынешней ночью!

— Какое же тут безобразие? — рассмеялась царица. — Есть пословица: «Даже у самого царя-императора живут на теле три императорских вши!» Ты пока сними с себя все одежды, а я выловлю насекомых.

Царь дьяволов стал раздеваться. Мнимая Чунь Цзяо все время держалась в стороне, внимательно следя за царем дьяволов, у которого во всех одеждах кишмя кишели насекомые, словно муравьи в муравейнике. Наконец были сняты последние одежды и обнажилось тело. На показавшихся бубенчиках насекомых, казалось, было еще больше, просто несметное количество.

— Великий князь! — сказал тут Сунь У-кун. — Дай мне твои бубенцы, я очищу их от насекомых.

Царю дьяволов было мучительно стыдно, и, кроме того, он очень растерялся. Ему даже в голову не пришло, что перед ним мнимая служанка. Он снял с себя все три бубенца и передал их Чунь Цзяо. Сунь У-кун взял их в руки, долго возился с ними, а заметив, что царь дьяволов усиленно вытряхивает свои одежды, быстро спрятал бубенцы, вырвал у себя еще клочок волос и превратил его в три бубенца, точно такие, какие носил при себе царь дьяволов. Держа бубенцы перед фонарем, Сунь У-кун вертел их во все стороны. Затем поежился всем телом, встряхнулся, и насекомые разом исчезли, превратившись в волосы, которые Сунь У-кун водворил на место. После этого мнимая служанка передала поддельные бубенцы царю дьяволов. Он взял их в руку, но так и не разглядел, что они не настоящие. Поднеся их обеими руками царице, он молвил:

— Вот возьми и храни их, только смотри, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Царица приняла бубенцы, тихонько приоткрыла сундук с нарядами, спрятала поддельный талисман и заперла сундук на золотой замок.

Затем они оба выпили еще несколько чарок вина, после чего царица обратилась к служанке:

— Хорошенько вытряхни и приberi мою постель, разверни парчовое одеяло, сегодня я буду ночевать вместе с великим князем.

Царь дьяволов закричал и, наконец не выдержав, признался:

— Нет у меня счастья! Нет счастья! Я не смею принять твою ласку. Уж лучше пойду со служанкой в Западные покои и там лягу с ней спать. Прошу тебя, спи спокойно одна!

На том они и расстались, легли спать в разных местах, и мы пока оставим их.

Обратимся теперь к Сунь У-куну. Завладев волшебным талисманом, он спрятал его за пояс и принял свой настоящий облик. Встряхнувшись, он вернул на место клочок волос, превращенный в усыпляющую мошку, а затем направился прямо к выходу. В это время ударили в колокольцы и в колотушки, так как уже наступило время третьей ночной стражи. Молодец Сунь У-кун! Он прищелкнул пальцами, прочел заклинание и, став невидимым, подошел прямо к воротам. Ворота были закрыты на засов и на них висели замки. Однако Сунь У-кун достал свой посох с золотыми обручами и, протянув его к воротам, применил способ открывания замков. Ворота тихонько отворились. Сунь У-кун быстрыми шагами вошел в ворота и остановился.

— Эй ты! Сай Тайсуй! — грозно крикнул Сунь У-кун. — Верни мне мою Золотую царицу.

Он крикнул несколько раз и переполошил всех бесов, больших и малых, которые бросились к воротам и с ужасом увидели, что ворота распахнуты настежь. Тотчас же принесли фонари и стали искать замки, а затем вновь наглухо закрыли ворота. Несколько бесов были отправлены

во внутренние покои для доклада.

— О великий князь! — вскричали прибежавшие гонцы. — Кто-то за главными воротами громко кричит и требует, чтобы ты отдал Золотую царицу.

— Тише вы! Перестаньте шуметь! — произнесли вполголоса служанки, поспешно выскочившие из внутренних покоев. — Великий князь только что заснул.

Между тем Сунь У-кун снова принялся громко кричать, но бесенята не посмели больше тревожить своего повелителя. Так повторялось три или четыре раза. Великий Мудрец кричал и шумел у ворот до тех пор, пока совсем не рассвело. Наконец у него иссякло терпение, и, вращая свой посох, он стал колотить по воротам. От страха бесы пришли в полную растерянность. Одни бросились подпирать ворота, другие помчались докладывать царю дьяволов. Он только что проснулся и, услышав истошные крики и шум, вскочил, оделся и вылез из-под спального полога.

— Кто там кричит? Что происходит? — спросил он, обращаясь к служанкам.

Те опустились на колени.

— О повелитель! — молвила одна из них. — Какой-то человек у входа в пещеру почти всю ночь кричал и ругался, вызывая тебя. А сейчас он ломает ворота.

Царь дьяволов вышел из своих внутренних покоев и увидел нескольких бесенят, прибежавших с донесением. Они второпях кинулись в ноги царю и, отбивая земные поклоны, затараторили:

— Там снаружи кто-то кричит и ругается, требуя выдать ему царицу! Если же кто-нибудь из нас начинает ему перечить, он раздражается потоком скверных слов, нестерпимых для слуха. Так как ты, великий князь, до рассвета все не выходил, разбойник дошел до иступления и теперь начал ломиться в ворота!

— Пока не открывайте, — приказал царь дьяволов, — и спросите, откуда он появился, как его зовут по фамилии и по имени, и живо доложите мне.

Бесенята поспешно побежали к воротам и стали выпрашивать:

— Кто стучится в ворота?

— Я Вай-гун — дед повелителя Пурпурного царства, явившийся сюда по его просьбе. Я прибыл за Золотой царицей, чтобы отвезти ее обратно в царство.

Бесенята выслушали Сунь У-куна и доложили о нем царю дьяволов, а царь дьяволов

направился в задний дворец выяснять у царицы, кто бы это мог быть. Царица только что встала и не успела еще ни причесаться, ни умыться. Служанка, заведя приближавшегося царя дьяволов, явилась с докладом:

— Царь-повелитель пожаловал!

Царица быстро оправила на себе одежды, прибрала волосы и вышла навстречу царю дьяволов.

Они только уселись, и царь еще не успел начать свои расспросы, как вдруг снова прибежал бесенок с донесением:

— Прибывший, который назвал себя дедом правителя Пурпурного царства, уже разбил ворота!

Дьявол с улыбкой обратился к царице:

— Скажи мне, дорогая, сколько у вас при дворе полководцев и военачальников?

— Мне известно, что у нас числится сорок восемь пеших и конных полков, составляющих охрану дворца, и ими командуют тысячи доблестных полководцев; а сколько войск и полководцев на всех наших границах — даже сосчитать не могу!

— А есть ли среди полководцев кто-либо по фамилии Вай, — продолжал спрашивать царь дьяволов.

— Когда я жила у себя во дворце, — отвечала царица, — то знала только внутренние дворцовые дела и помогала в них государю, учила и наставляла придворных служительниц и служанок; где же мне знать внешние дела, которым нет края, да еще помнить имена и фамилии сановников?

— Этот пришелец назвался Вай-гуном. Насколько я помню, в книге «Ста фамилий» нет фамилии Вай. Ты от природы умна и талантлива, сама родом из знатного и почетного дома; живя у себя во дворце, наверное, прочитала много книг. Не помнишь ли, в какой книге упоминается такая фамилия?

— Только в одной книге «Тысячесловник» есть фраза: «Вне дома воспринимал поучения учителей». Думается мне, что только это и может быть!

— Безусловно, конечно так! — обрадовался царь дьяволов.

Он тут же поднялся с места и откланялся. Войдя в свою живодерню, он приоделся, подпоясался, проверил свое бесовское воинство, открыл ворота и вышел, держа в руках секиру с разноцветными узорами.

— Кто здесь гун Вай, прибывший из Пурпурного государства? — зычным голосом крикнул он.

Играя железным посохом, который держал в правой руке, Сунь У-кун левой показал на себя и воскликнул:

— Здравствуй внучек мой, просвещенный! Зачем ты зовешь меня?

— Ах ты, мерзавец! — воскликнул царь дьяволов, разглядев Сунь У-куна и едва сдерживаясь от гнева. И, желая оскорбить его, тут же сложил едкий стих:

Похож ты на мартышку телом,

А мордою — на павиана;

Видать, пройдоха ты умелый,

Живущий дерзостным обманом!

— Слепец — ухмыляясь, ответил Сунь У-кун. — Как ты смеешь, негодяй, так вести себя со старшими! Не знаешь, как величать меня. Вспомни, когда пятьсот лет назад я учинил великое буйство в небесных чертогах, со мной встретились небесные полководцы девяти небесных сфер, и среди них не было ни одного, кто не величал бы меня «достопочтенным», а ты позволяешь себе дерзость называть меня запросто Вай-гуном. Чем я обидел тебя, что ты так груб со мной?

— Говори живей, как тебя зовут по-настоящему, — прервал Сунь У-куна царь дьяволов. — Каким владеешь ты военным искусством, что посмел явиться сюда да еще буянить?

— Если бы ты не спросил, как меня зовут по фамилии и имени, то, может быть, все обошлось бы по-хорошему, но раз ты настаиваешь, чтобы я сказал, боюсь, что тебе не останется места на земле. Подойди поближе, держись крепче и слушай меня:

Я — плод любви благого неба и земли,

В который жизнь вдохнули солнце и луна;

В холодном камне искру чувств они зажгли,

Их тщанием душа моя была пробуждена:

Я — сын природы, я — ее творенье,

Рожденный в пору вешнего цветенья!

Теперь я к Истине великой приобщен,

И мне во всем сопутствует удача...

Могучей силой с детства одарен,
Решал я небывалые задачи!
Я толпы оборотней собирал,
Меня своим вождем они признали,
И столько лютых бесов покорял,
Что все они передо мною трепетали.
Я поклонился мудрому владыке,
Творцу пилюль, дарующим бессмертье.
Сам властелин Нефритовый великий
Позвал меня в пределы вечной тверди.
Я, посетив небесную обитель,
Потомственную должность получил,
Мне дух звезды Тайбай¹ о том указ вручил;
Но бима чин, что мне дарован был,
И рассердил меня и разобидел.
Уединился я в пещере горной;
Поддавшийся гордыне, непокорный,
На бунт решившись, я войска свои собрал,
И полный зла и ненависти черной,
Я против императора восстал.
Князь Тота с сыном попытались было
Мой дерзостный набег остановить,
С моим свое оружие скрестить,
Но сил у них на это не хватило.
К тому же князь, трусливый, как шакал,
Сраженья побоявшись, убежал.
Вторично дух звезды, что мне указ вручил,
Царю небесному доставил сообщение

О мятеже моем и неповиновенье.
И снова царь меня на небеса призвал,
Но ожидало там меня не отомщенье,
А славная награда и прощенье.
Ни обойден я, ни обижен не был,
Коль званье получил «Мудрец, подобный небу».
Придворные меня с отличьем поздравляли,
Сулили мне свершенья и победы,
Опорой государя называли.
Однако новые мне предстояли беды:
Царицей Сиван-му обиженный случайно,
На празднество ее я в сад пробрался тайно,
И там разгром ужасный учинил:
Все, что сумел, украл, все, что хотел, разбил,
Все яства ел, из всех сосудов пил
И вел себя предерзко и беспечно.
И Сиван-му сама и Лао-цзюнь-мудрец
Правителя небесного просили,
Чтоб воины его ценой любых усилий
Меня бы обуздали наконец.
Узнав, что я презрел его законы,
Великий государь, безмерно возмущенный,
Навстречу мне свою направил рать,
Сто тысяч воинов вооруженных,
Чтобы меня за дерзость покарать.
То были духи многих звезд зловедных,
Дурных планет,— предвестники беды.
В доспехах золотых, серебряных и медных

Они сомкнули грозные ряды.
Со всех сторон опасностью грозили
Земли простор и синева небес.
Долины, горы и дремучий лес
Ловушки, сети, западни таили,
Но как ни билось доблестное войско.
Оружием магического свойства, —
Все ж не за ним остался перевес.
Тут бодисатва Гуаньинь решила
С небес Эрлана вызвать для подмоги:
Она считала, что Эрлан всемогущ,
Он быстро уберет врага с дороги.
Но на защиту чести встал я рьяно,
И дал отпор свирепому Эрлану.
Мы с ним сразились, силы не щадя.
Достойного соперника найдя,
Со мной соревновался он в уменье
Владеть искусством перевоплощенья
И хитрость применять, кровавый бой ведя.
С горы Мэйшань пришла его родня:
Как на подбор — все доблестные воины —
Пришли ему помочь в жестокой бойне,
Чтобы совместно одолеть меня.
Но, сколько ни старались, ни ярились, —
Все толку никакого не добились.
Тогда, раздвинув стену темных туч,
Скрывавших вход в небесные владенья,
Три мудреца, чтоб мне воздать отмщенье,

Вмешались в бой, спустившись с горних круч:

Но все ж и тут не потерпел я поражения,

Неуязвим, как прежде, и могуч.

Лишь Лао-цзюню справиться со мною,

Как никому другому, удалось:

Свой обруч он метнул умелою рукою;

Кольцо волшебное змеей стальною

Вокруг меня тотчас же обвилось.

Мне в этот миг впервые привелось

Лежать поверженным на поле боя.

Тут духи на меня накинулись толпою

И потащили к царскому крыльцу.

Немедля надо мной произвели дознание,

Не слушая моих признаний, оправданий...

Я был приговорен к позорному концу, —

Хотели сделать смерть мою бесславной!

Но четвертован или обезглавлен

Я быть не мог — мне это не к лицу.

Так, обладая даром жизни вечной,

Я встретил казнь без слабости сердечной.

И резали меня, и топором рубили,

И жгли огнем, и молнией разили,

И стопудовым молотом дробили —

Но это все мне было нипочем.

Того, кто наделен бессмертной силой,

Не загубить ни ядом, ни мечом.

По-прежнему живой и сильный, как всегда,

Я был препровожден к чертогам Тушита

И там в огромный тигель заключен
Немало дров под тиглем тем спалили,
Но не расплавили меня — лишь крепче закалили!
Ничем не огорчен, ничем не удручен,
Срок плавки выдержав, я выскочил из печи,
И цел и невредим, огнем не изувечен!
Перевернулся и расправил плечи,
И, эту палицу железную схватив,
Я размахнулся ею и ударил,
Сил не щадя, по трону государя,
Всех духов испугав и поразив
Тут началось ужасное смятенье
Покуда по престолу в исступленье
Я посохом тяжелым колотил,
Рассеялись правители светил,
От гнева моего ища себе спасенья.
То видя, разошелся я вконец,
Едва не разорив Нефритовый дворец.
Вельможи важные пришли к благому Будде,
Чтоб тот привел меня к повиновенью
Сказав, что я — невиданный храбрец,
Он, не в пример жестокосердным судьям,
Моим рассказам внял со снисхожденьем,
А я без передышки, тут же, сразу,
Вновь принялся за прежние проказы.
Взобравшись на ладонь златую божества,
Я колесом прошелся раза два,
Подпрыгнул, вытянулся, перекувырнулся,

Всю землю облетел и вновь к нему вернулся,
Свой замысел осуществив в одно мгновение,
Что снова всех повергло в изумление.
Всевышний знал, как поступить со мною,
Чтоб от проказ моих избавить белый свет;
Он придавил меня небесною скалою,
Под коей я провел немало долгих лет.
Их минуло пятьсот, когда меня от гнета
Всесильной Гуаньинь избавила забота.
Я был приставлен к Танскому монаху,
Его в пути на Запад охранять
От тех забот, опасностей и страхов,
Что перед ним в пути должны предстать.
Такое дело оказалось мне под стать —
Не то что под скалою прозябать!
И вот, наставника сопровождая,
Со злыми силами я беспрестанно бьюсь,
Всех оборотней в схватках побеждаю,
Всех дьяволов и бесов истребляю,
И нет среди них того, кого я убоюсь!

Когда царь дьяволов услышал, что перед ним сам Сунь У-кун, он обратился к нему с такими словами.

— Значит, ты и есть тот самый негодяй, который учинил великое буйство в небесных чертогах?! Раз ты избавился от тяжелой кары и приставлен охранять Танского монаха в его пути на Запад, ступай себе с ним, куда тебе надо. Чего ради ты суешься в чужие дела да еще выслуживаешься, как жалкий раб, перед царем Пурпурного царства? Смерти своей ищешь здесь, что ли?

— Мерзкий дьявол! — прикрикнул на оборотня Сунь У-кун. — Только по своей глупости ты можешь так говорить. Меня с большим почетом просил государь Пурпурного царства помочь ему, отнесся ко мне, как к своему благодетелю; я, старый Сунь У-кун, стою выше этого царя во

сто тысяч крат, и он чтит меня, как отца родного, и служит мне, как святым духам. А ты, мерзавец, смеешь обзывать меня рабом?! Вот я сейчас покажу тебе, наглец и обманщик! Стой, ни с места! Попробуй посох твоего дедушки!

Дьявол опешил при виде разгневанного Сунь У-куна и едва успел увернуться от смертельного удара. Оправившись, он бросился на противника со своей разукрашенной секирой. Тут между ними разыгрался славный бой. Вот послушайте:

Посох с ободками золотыми, —
Замыслам хозяина покорный,
Встретился с секирою узорной,
С той, что ветра резкого острее.
Кто ж из славных воинов сильнее?
Иль они друг друга стоят оба?
Первый бьется, скрежеща зубами,
Лютую выказывая злобу,
А второй свирепо стиснул зубы
И сверкает грозными очами,
Вид являя яростный и грубый.
Первый на землю с небес спустился,
В мудрости великой равный небу,
А второй — царь дьяволов свирепый,
Оборотень, что из тьмы крошечной
В мир земной явился, многогрешный.
Их дыхание, клубясь, как тучи,
Из груди со свистом вылетает,
Взрытый их ступнями прах сыпучий
Небо пеленою закрывает,
Камни под ударами их ног
В мелкий превращаются песок.
То сходясь, то снова расходясь,

Все вокруг себя круша и руша,
Сталкивались воины не раз,
И не раз сшибалось их оружие,
Золотой насечкою блистая,
Искры золотые рассыпая...
Враг врагу ни в чем не уступает,
Ни на пядь никто не отступает.
Первый из противников стремится
Возвратить царю его царицу,
А второй о том лишь помышляет,
Чтобы с ней любовью насладиться...
Повод боя не такой уж важный!
Стоит ли с подобной страстью биться
За царя иль за его царицу?
Но бойцы сражаются отважно,
Сердце страхом смерти не томится,
И не первый час та битва длится!

Убедившись в том, что Сунь У-кун очень силен и искусен в бою, царь дьяволов понял, что ему не удастся победить его. Он отразил своей секирой посох врага и воскликнул:

— Сунь У-кун! Обожди! Я с утра ничего не ел. Погоди, пока я подкреплюсь немного. Я быстро вернусь, и мы продолжим бой. Посмотрим тогда, чья возьмет!

Сунь У-кун сразу же смекнул, что царь дьяволов хочет пойти за своими волшебными бубенцами. Он убрал посох и сказал:

— Хороший охотник не гонится за замороженным зайцем! Ступай, наедайся до отвала, придешь — легче будет помирать!

Царь дьяволов стремительно повернулся, влетел в пещеру и прибежал к царице:

— Скорей достань мне талисман! — запыхавшись, сказал он.

— А зачем он тебе понадобился? — спросила царица.

— Меня утром вызвал на бой последователь и ученик монаха, который направляется на Запад за священными книгами. Его зовут Сунь У-кун. Он же назвался вымышленным именем Вай-гун. Я сражался с ним до сего времени, но исход боя все еще не определился. Вот сейчас я с помощью волшебного талисмана напущу на эту обезьянью морду дым и огонь и спалю его!

У царицы при этих словах сжалось сердце. Ей вовсе не хотелось доставать бубенцы, но она опасалась, что вызовет подозрения царя дьяволов; достать же бубенцы она тоже боялась, так как не хотела погубить Сунь У-куна. Заметив, что она медлит, царь дьяволов стал торопить ее.

— Скорей давай сюда! — крикнул он.

Царице ничего не оставалось, как открыть сундук, достать все три бубенца и вручить их царю дьяволов. Тот взял их и стремительно вышел из пещеры.

Царица же осталась в своих покоях, и слезы потоками хлынули из ее глаз, ибо она считала, что теперь уже нет никакой возможности спасти Сунь У-куна. Ведь ни она, ни царь дьяволов понятия не имели о том, что бубенцы поддельные.

Итак, выйдя из ворот, царь дьяволов, уверенный в победе, стал звать:

— Эй, Сунь У-кун! Не убегай! Погляди, как я сейчас тряхну бубенцами!

Сунь У-кун рассмеялся:

— Думаешь, только у тебя есть бубенцы? Ты тряхнешь, а мне нечем тряхнуть, что ли?

— Какие же у тебя бубенцы? Ну-ка, покажи! — заинтересовался царь дьяволов.

Сунь У-кун превратил свой посох в вышивальную иглу, заложил ее за ухо, а затем вытащил из-за пояса три настоящих бубенца.

— Гляди! — сказал он, показывая их царю дьяволов. — Вот они, мои золотые бубенчики!

Увидев бубенцы, царь дьяволов не на шутку струхнул:

«Вот чудеса! — подумал он про себя, — как же так? Его бубенцы точь-в-точь такие же как мои. Допустим даже, что они были отлиты в одной и той же форме, но разве возможно, чтобы они ни царапкой, ни трещинкой, ну ничем решительно не отличались друг от друга?!».

Обратившись к Сунь У-куну, он спросил его:

— Откуда у тебя эти бубенцы?

— Внучек ты мой умненький! — насмешливо ответил Сунь У-кун. — Лучше ты скажи, где взял свои бубенчики?

Царь дьяволов стерпел насмешку и так же отвечал Сунь У-куну:

— Мои бубенцы

...вышли из тигля волшебного, в коем золото плавил

Сам Лао-цзюнь, пути совершенства постигший

И посему обитавший в чертогах небесных.

Золото это, застыв, в бубенцы превратилось,

Полные свойств небывалых и силы чудесной.

Праведный муж мне бубенчики эти оставил,

Я же храню их с тех пор как небес величайшую милость.

— Ну что ж? И мои бубенцы тоже были отлиты тогда, — смеясь, сказал Сунь У-кун.

— Как же это получилось? — удивился царь дьяволов.

— Вот послушай! — сказал Сунь У-кун. — Мои бубенцы

...вышли из тигля волшебного, где киноварь пережигал

Сам основатель учения Дао, в чертогах Тушита живущий.

Дивные свойства бубенчикам этим присущи:

Их оказалось два на три, когда их творец сосчитал

Так и выходит: мои шесть бубенчиков с курами схожи,

Ну, а твои — с петухами: хоть то, да не то же!

— Что ты говоришь? — удивился царь дьяволов. — Ведь бубенцы — это талисман, полученный из разных веществ, употребляемых при изготовлении пилюль бессмертия. Как это может быть, чтобы одни были петухами, а другие курами? Ведь они не относятся ни к пернатым, ни к

четвероногим тварям?!

— Словам веры нет! — сказал Сунь У-кун. — Проверим на деле! Ну-ка, ты первый тряхни своими бубенцами.

Царь дьяволов послушался и потряхнул три раза первым бубенцом, но огонь не появился, тогда он потряхнул три раза вторым бубенцом — дым не повалил; потряхнул третьим — опять ничего не вышло. У царя дьяволов задрожали руки и ноги. «Странно, очень странно! — оробев подумал он. — Видимо, эти бубенцы ведут себя как муж, боящийся своей жены: увидел петушок курочку и боится показать свою удаль!».

— Убери свои бубенцы, внучек! — скомандовал Сунь У-кун. — Погляди лучше, как я трякну своими!

Ну и мартышка! Ловкач! Он сразу потряхнул всеми тремя бубенцами. Вы бы видели, читатель, с каким шумом и грохотом вырвались из бубенцов красное пламя, черный дым и желтый песок! Вокруг все загорелось: и деревья и трава. Мало того, Великий Мудрец прочел еще какое-то заклинание и, обернувшись лицом к северо-востоку, воскликнул:

— Ветер! Лети сюда! — И сразу же подул ветер, раздувая пламя. Вскоре огонь, усиливаемый ветром, охватил весь небосклон. Кругом все озарилось багряным заревом, густые облака черного дыма поднялись к небу, и свет солнца померк. Вся земля покрылась желтым песком!

У царя дьяволов от страха душа ушла в пятки. Окруженный пламенем, он не знал, куда бежать, чтобы спасти свою жизнь.

Вдруг с неба послышался гневный окрик:

— Сунь У-кун! Я пришла.

Сунь У-кун быстро поднял голову и увидел бодисатву Гуаньинь. В левой руке у нее была драгоценная ваза, а в правой — ивовая ветка. Она смачивала водою прутья и брызгала на пламя. Испуганный Сунь У-кун поспешно запрятал бубенцы за пояс, опустил на колени и, сложив руки ладонями вместе, стал отбивать поклоны.

Тем временем бодисатва, побрызгав благодатной водою несколько раз, сразу же загасила огонь; дым улегся, а песок бесследно исчез.

— О бодисатва! — восклицал Сунь У-кун, отбивая поклоны, — не знал я, что ты проявишь великую милость и явишься сюда, на землю... Прости, что вовремя не заметил тебя, чтобы достойно встретить. Осмелюсь спросить, куда путь держишь?

— Я прибыла сюда, — отвечала Гуаньинь, — лишь за тем, чтобы привести в покорность злого

оборотня.

— Что это за оборотень, откуда он, и почему ты соизволила сама явиться покорить его? — спросил Сунь У-кун.

— Это золотистый хоу, на котором я езжу, — отвечала Гуаньинь. — Пастух, который его пас, заснул. Оставшись без надзора, эта скотина перегрызла железную цепь и удрала, но все же она спасла от беды царя Пурпурного царства.

Тут Сунь-кун даже подскочил:

— Да что ты, бодисатва! Совсем не так. Это животное обидело царя Пурпурного царства и похитило царицу! Оно развращает нравы и подрывает устои добродетели. Оно причинило большой вред царю Пурпурного царства. Как же ты говоришь, что оно спасло царя от беды?..

— Ничего ты не знаешь! — сказала бодисатва. — Еще в те времена, когда был жив прежний царь Пурпурного царства, нынешний правитель как наследник пребывал в Восточном дворце. В молодые годы он очень увлекался стрельбой и охотой. Как-то раз он ехал на охоту с большой свитой, спустил соколов и борзых собак и прибыл к склону горы, которая называется Приют фениксов. Там, как на грех, отдыхали два молодых павлина — дети, рожденные бодисатвой великого царя Павлинов, который является женским превращением Будды. Наследник подстрелил самца, а самка улетела со стрелой на Запад. Их мать, бодисатва, долго сокрушалась, а потом решила наказать наследника и разлучить его на три года с его любимой царицей. В ту пору я как раз проезжала верхом на этом хоу и собственными ушами слышала это повеление бодисатвы. Но я никак не ожидала, что эта скотина тоже обратит внимание на повеление бодисатвы. Она похитила царицу и избавила царя от беды. С тех пор прошло три года, и срок наказания кончился. В это время появился здесь ты и исцелил царя. А сейчас я явилась за своим оборотнем.

— Бодисатва! — проговорил Сунь У-кун. — Может быть, все это правда, но ведь эта скотина оскорбила царицу, подорвала устои морали, нарушила законы и обычаи. За все эти преступления ее следовало бы предать смертной казни. Но своим появлением ты спасла оборотня от смерти. Однако оставить его совсем без наказания нельзя. Дозволь мне всыпать ему хотя бы двадцать палок, перед тем, как ты уведешь его с собой.

— Сунь У-кун! — остановила его бодисатва. — Ты видишь, что я сама сошла на землю, так уж из уважения ко мне прости его. Покорение оборотня все равно зачтется тебе как заслуга. Если же ты только притронешься к нему своим посохом, то сразу же умертвишь его.

Сунь У-кун не посмел перечить бодисатве и, совершив низкий поклон, произнес:

— О бодисатва! Раз уж ты забираешь эту скотину обратно в свою обитель, сделай милость, не допусти, чтоб она снова появилась среди людей и причинила им вред!

Тут бодисатва строго прикрикнула на оборотня:

— Негодная скотина! Ты что это не принимаешь свой первоначальный облик? Чего ждешь?

Оборотень повалился на землю, покатался в пыли, сразу же принял свой первоначальный облик и отряхнулся, а бодисатва села на него верхом. Взглянув на шею животного, она заметила, что нет трех золотых бубенцов.

— Сунь У-кун! Отдай бубенцы! — строго приказала она.

— Какие бубенцы? Я не знаю, о чем ты говоришь, — удивленно ответил Сунь У-кун.

— Ах ты, разбойник! — прикрикнула на него бодисатва. — Значит, не ты украл их? погоди, я сделаю так, что даже десять таких, как ты, не посмеют приблизиться ко мне. Отдавай живее!

— Честно говорю, что даже в глаза не видал их, — притворно засмеялся Сунь У-кун.

— Ну, раз ты их в глаза не видал, — сказала бодисатва, — то сейчас я прочту заклинание о сжатии обруча.

Сунь У-кун сразу же пришел в замешательство:

— О нет! Только не читай! Только не читай! — взмолился он. — Вот они, бубенцы, здесь!

Поистине получилось забавно:

«Где ж ваши бубенцы?» — бесхитростный вопрос

Тот часто задает, кто сам же их унес!

Бодисатва привязала бубенцы к шее животного хому и уселась поудобнее.

О, если бы вы видели, читатель, как из-под всех четырех ног животного вырвались языки пламени, словно огненные лотосы; как все тело его покрылось густой золотистой шерстью!

О том, как милосердная Гуаньинь вернулась в свою обитель на Южном море, мы рассказывать не будем.

Между тем Великий Мудрец Сунь У-кун привел в порядок свою одежду и, размахивая железным посохом, ринулся в пещеру Чудесного оленя-единорога, где истребил всех бесов и бесенят до единого. Приблизившись к покоям царицы, он предложил ей вернуться на родину.

Услышав об этом, царица не переставала совершать поклоны, словно перед божеством выражая свою признательность. Сунь У-кун рассказал ей, как бодисатва привела в покорность царя дьяволов, и не преминул упомянуть историю о том, почему ей, царице, пришлось расстаться с государем. — Он повторил все, что рассказала ему Бодисатва. Раздобыв охапку мягкой травы, он сделал из нее дракона и обратился к царице.

— Ну, царица, садись верхом, зажмурь глаза и ничего не бойся. Я мигом доставлю тебя обратно к твоему царю-повелителю.

Царица беспрекословно повиновалась, и Великий Мудрец стал совершать магические действия. В ушах царицы вдруг раздался резкий свист.

Примерно через полчаса Сунь У-кун доставил царицу в город. Опустив облако вниз, он крикнул:

— Царица! Открой глаза!

Царица открыла глаза, увидела знакомые ей терема и дворцы; с великой радостью в душе она соскочила с дракона и вместе с Сунь У-куном направилась в тронный зал дворца. Царь, увидев ее, стремительно спустился со своего ложа и, подбежав к своей любимой, схватил ее за руки. Он хотел было поведать о своей тоске за время разлуки, но вдруг повалился на пол с воплями:

— Ой, рукам больно! Рукам больно!

Чжу Ба-цзе громко расхохотался:

— Ишь ты, мордашка! Недотрога! При первой же встрече ужалила его, беднягу!

— Дурак! — прервал его Сунь У-кун. — А ты бы отважился прикоснуться к ней?

— Почему бы и нет? Что может случиться? — удивился Чжу Ба-цзе.

— У царицы на всем теле выросли острые шипы, — пояснил Сунь У-кун. — И те шипы, которые на руках, пропитаны ядом, поражающим мужское начало. С того времени, как царь дьяволов Сай Тайсуй похитил ее и держал взаперти на своей горе в течение трех лет, он ни разу не мог сблизиться с ней из-за этих шипов. При телесном сближении шипы вонзаются в тело и причиняют нестерпимую боль. А если дотронуться рукой, то появится боль в руке.

Все присутствующие чины изумились.

— Что же теперь делать? Как быть? — раздавались возгласы.

Пока царедворцы внешней службы дворца горевали, прислужницы и служанки внутренних покоев пришли в ужас и трепетали от страха, стоявшие сбоку две другие царицы — Яшмовая и Серебряная — подхватили царя под руки и поставили на ноги.

И в тот самый момент, когда всех охватило чувство растерянности и беспокойства, вдруг в воздухе послышался чей-то голос.

— Великий Мудрец! — кричал кто-то. — Это я явился сюда!

Сунь У-кун поднял голову и увидел... кого бы вы думали?

Вот послушайте:

Крику дивного аиста

голос его был подобен,

Он прозвучал в небесах,

громок, чист и беззлобен

Кто-то летел по воздуху

прямо к царским чертогам,

Свет от него стелился

по небу лунной дорогой.

Ткань из волокон тонких

пальмы его обвивала,

Облаком благоуханным

тело его покрывала

Туфли его из соломы причудливо были сплетены,

В руке он держал мухобойку,

витую из уса дракона.

Шелковый шнур, которым был он препоясан,

Видом своим чудесным

украшал его светлую рясу.

Муж этот был

наделен чудодейственным свойством —

Мог устранять он любое

судьбы неустройство

И на земле и на небе,

ко всем благосклонный,

Соединял и мирил он

людей разлученных

Всюду проникнуть мог он,

нигде не встречая преграды,

Что помешала б ему

наделить огорченных наградой,

То был Пурпурного облака

всеблагой небожитель,

Ныне покинувший

верхнего неба обитель

Затем, чтобы чары развеяв,

сердца преисполнить отрады.

Сунь У-кун выступил вперед, чтобы встретить небожителя, и спросил его:

— Чжан Цзы-ян, куда путь держишь?

Праведник-небожитель подошел ближе и, поклонившись всем, отвечал:

— Великий Мудрец! Я не Чжан Цзы-ян, а Чжан Бо-дуань. А теперь разреши приветствовать тебя.

Вежливо поклонившись, Сунь У-кун спросил:

— Откуда изволил пожаловать?

— Три года назад, — отвечал праведник, — я отправился на собор послушать проповедь Будды, и мне пришлось следовать через эту страну как раз, когда царь Пурпурного царства был

разлучен со своей Золотой царицей и очень горевал. Опасаясь, как бы оборотень не осквернил царицу и не нарушил устои человеческих отношений, из-за чего царю в последующем было бы трудно вновь сожительствовать с царицей, я превратил колющее одеяние из кокосового волокна в волшебный свадебный наряд, удивительно красивой расцветки и замечательный по качеству, и велел оборотню отдать этот наряд царице. Как только царица облачилась в него, на теле у нее сразу же появились ядовитые колючки. Сейчас я узнал, что ты, Великий Мудрец, добился успеха, а потому и явился сюда, чтобы снять свое колдовство.

— Если все это правда, — сказал Сунь У-кун, — спасибо тебе за то, что прибыл сюда, несмотря на дальний путь! Сними скорей с царицы эту волшебную одежду.

Праведник вышел вперед, указал рукой на царицу, и одежда из кокосового волокна сразу же спала с нее, а тело стало таким, как прежде.

Праведник встряхнул эту одежду и набросил на себя.

— Не обессудь меня, Великий Мудрец, — сказал он, обратившись к Сунь У-куну. — Я должен распрощаться.

— Да что ты? Побудь еще немного, — стал удерживать его Сунь У-кун. — Подожди, царь отблагодарит тебя.

— Не утруждайтесь, не утруждайтесь! — улыбаясь, произнес праведник.

Издав протяжный прощальный возглас, он взлетел на небо и сразу же исчез.

Ошеломленный царь с царицами, а также большие и малые придворные чины, все как один смотрели на небо и низко кланялись.

Закончив церемонию поклонов, царь тотчас же повелел открыть восточные хоромы и принялся угощать четырех монахов. Царь со всеми придворными чинами на коленях благодарил их за то, что они соединили супругов. В самый разгар пира Сунь У-кун обратился к Танскому монаху:

— Наставник! Достань грамоту о войне.

Танский монах вынул грамоту из рукава и передал Сунь У-куну, а тот в свою очередь передал ее царю с такими словами:

— Эту грамоту должен был доставить сюда гонец царя дьяволов, в чине сяосяо, но я убил его и приволок сюда, доложив о первой своей удаче. Затем я вновь отправился в горы, благодаря чему мне и удалось повидать царицу; там я выкрал золотые бубенцы, но меня чуть было не схватили. Я снова превратился — на этот раз в муху, — снова выкрал бубенцы и вступил в единоборство с дьяволом. К счастью, появилась бодисатва Гуаньинь, которая умирала

оборотня и увела с собой. Она же рассказала мне, почему царю пришлось разлучиться с женой.

И он рассказал всю историю со всеми подробностями от начала до конца. Все присутствующие, начиная с царя и всех его царедворцев, внутренних и внешних, были растроганы и без конца благодарили Сунь У-куна.

Тут Танский монах сказал:

— Во-первых, все произошло из-за того, что у тебя большое счастье, просвещенный государь; во-вторых, в этом заслуга моего ученика. Я очень благодарен за роскошное угощение, и нам ничего больше не нужно! На этом мы раскланяемся и распрощаемся! Не надо задерживать нас в нашем путешествии на Запад!

Царь никак не мог уговорить монахов остаться, отметил им подорожную и приказал подать большой царский выезд. Танского монаха пригласили сесть в царскую колесницу, а сам царь, все царицы и их прислужницы впряглись в нее. Колесница тронулась. Через некоторое время царь распрощался с монахами.

Вот уж право:

Судьба повелит, и тоска пропадет навсегда,

Останется сердце спокойным, заботы уйдут без следа.

Какие еще злоключения ждали наших путников в их дальнейшем пути, об этом вы узнаете, прочитав последующие главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288243>